

УДК 811

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-77-82

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВЕТИЗМОВ В АМЕРИКАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ Н. МЕЙЛЕРА «ИСТОРИЯ ОСВАЛЬДА»)

© Жанна Коновалова

FUNCTIONS OF SOVIETISMS IN AMERICAN LITERARY NONFICTION DISCOURSE (BASED ON N. MAILER'S BOOK "OSWALD'S TALE: AN AMERICAN MYSTERY")

Zhanna Konovalova

The assassination of John F. Kennedy is known as the "murder of the century" and is firmly embedded not only in political and media discourse, but also in fiction, nonfiction and cinema. Literary nonfiction discourse is characterized by a special "hybrid nature", which combines factography, on the one hand, and a high degree of emotional impact, on the other. In this regard, the authors of literary nonfiction texts often develop a special set of linguistic means that allow them to influence the recipient in the absence of an opportunity to turn to the aesthetic potential of artistic fiction. This paper studies the functions of sovietisms as a special layer of vocabulary in the literary nonfiction book "Oswald's Tale: An American Mystery" (1995) by N. Mailer. The classification of sovietisms is given according to the thematic principle and is based on their word-formation, semantic and stylistic features. We also analyze adaptation features of sovietisms when translated into English. The article concludes that the sovietisms, used in the speech utterances of numerous narrators, as well as in written documents related to Lee Harvey Oswald's case, not only allow the author to convey the national and cultural features of the life in the Soviet Union, where Oswald spent several years before the assassination of Kennedy, but also act as "status" details. They are used to characterize the identities of witnesses and eyewitnesses who participated in the literary investigation conducted by N. Mailer.

Keywords: sovietism, literary nonfiction discourse, translation, ideology, lexical and lexicogrammatical transformations, lexico-semantic substitutions

Убийство Джона Кеннеди известно как «убийство века» и прочно вошло не только в политический и медиадискурс, но также нашло свое отражение в художественно-документальной литературе и кино. Художественно-документальный дискурс отличается особой «гибридной природой», которая сочетает в себе фактографичность, с одной стороны, и высокую степень эмоционального воздействия – с другой. В связи с этим авторы художественно-документальных текстов часто вырабатывают особый набор языковых средств, позволяющих оказать влияние на реципиента в отсутствие возможности обратиться к эстетическому потенциалу художественного вымысла. Данная статья посвящена проблеме функционирования советизмов как особого пласта лексики в художественно-документальной книге Н. Мейлера «История Освальда: Американская загадка» (*Oswald's Tale: an American Mystery, 1995*). Дается классификация советизмов по тематическому принципу и на основе их словообразовательных, семантических и стилистических особенностей. Также анализируются особенности передачи советизмов при переводе на английский язык. Автор статьи приходит к выводу, что советизмы, используемые в речевых высказываниях многочисленных повествователей, а также в письменных документах, связанных с делом Ли Харви Освальда, не только позволяют передать национально-культурные особенности быта Советского Союза, где Освальд провел несколько лет до убийства Кеннеди, но и выступают в качестве «статусных» деталей, необходимых для характеристики личностей свидетелей и очевидцев, участвовавших в расследовании Н. Мейлера.

Ключевые слова: советизм, художественно-документальный дискурс, перевод, идеология, лексические и лексико-грамматические трансформации, лексико-семантические замены

Для цитирования: Коновалова Ж. Особенности функционирования советизмов в американском художественно-документальном дискурсе (на материале книги Н. Мейлера «История Освальда») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 77–82. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-77-82

Убийство Джона Кеннеди в 1963 году стало одним из центральных политических событий второй половины XX века в США. Значительность фигуры Дж. Кеннеди, отсутствие очевидного мотива у обвиненного в нем Ли Харви Освальда, а также последовавшая почти сразу за обвинением ликвидация подозреваемого привели к тому, что «убийство века» надолго стало частью не только политического и медиадискурса, но также нашло свое отражение в кинодискурсе и литературе. В 1990-х году к исследованию данного феномена обратился Н. Мейлер, один из ярких представителей американской художественно-документальной литературы второй половины XX века. Автор провел собственное расследование, проинтервьюировал всех, кто так или иначе взаимодействовал с Ли Харви Освальдом, изучил архивы ФБР и КГБ и даже проследовал по пути Освальда в Москву и Минск. В результате в 1995 году была опубликована книга «История Освальда: Американская загадка» (*Oswald's Tale: an American Mystery*) [1], которая представляет собой вариант журналистского расследования и носит художественно-документальный характер. Художественно-документальная природа книги подчеркивается эпиграфом, который представляет собой фрагмент допроса матери Ли Харви Освальда, проведенного 10 февраля 1964 года Комиссией Уоррен. Указание даты и приведение записи допроса свидетельствует о том, что книга является документальным свидетельством описываемых событий. Однако выбор фрагмента допроса вводит мотив «фикциональности». Так, отвечая на вопрос, почему ее сын «перебежал в Россию», М. Освальд заявляет, что не сможет кратко и однозначно ответить на этот вопрос: *“I am going to go through the whole story or it is no good. And that is what I have been doing for this Commission all day long – giving a story”* [Там же, с. i]. В данном случае Н. Мейлер подчеркивает многозначность слова *story* как персональной истории Ли Харви Освальда и как художественного жанра, в котором присутствует авторский вымысел. В целом, «История Освальда» является совокупностью зафиксированных устных высказываний многочисленных свидетелей и очевидцев, а также письменных документов (записи допросов и материалы слежки КГБ и ФБР, дневники Освальда, переписка между Освальдом и его друзьями и родственниками, его переписка с представителями различных органи-

заций СССР и США). Автор выбирает «географический» принцип организации материала: книга делится на две части «Освальд в Минске с Мариной» и «Освальд в Америке». Уже в предисловии Н. Мейлер подчеркивает важность языковой составляющей произведения. Книгу предваряет “Note on Style”, где автор объясняет разницу между русским и английским языками:

One was tempted, therefore, to dispense with articles and the verb “to be” during the first half of the book, for it would have given an overpowering Russian flavor to the prose. A full effort in this direction would, however, have tortured the English beyond repair, and so only a suggestion of this difference is present. Let me, then, wish you good reading and happy accommodation to small liberties taken with King’s English [Там же, с. 1].

Это обращение к читателю является своего рода литературной игрой, которая была свойственна для позднего (постмодернистского) периода творчества Н. Мейлера. Посвятив читателя в грамматические особенности своей книги, автор в предисловии «умалчивает» о лексических ее особенностях. Первая часть книги почти полностью состоит из свидетельств людей, являющихся носителями русского языка и советского менталитета, в разной степени владеющих английским языком. Введение каждого нового повествователя предваряет краткая справка о деталях знакомства с Ли Харви Освальдом и о языке, на котором дается интервью. Повествователей в этой части можно разделить на три типа: людей, хорошо владеющих английским языком и дающих интервью на английском; людей, когда-то владевших английским и дающих интервью на смеси русского и английского языков; и людей, говорящих только на русском языке. Интересно, что нарратив первого типа, чаще всего, представлен в форме интервью (вопрос – ответ), а свидетельства повествователей второго и третьего типов «облекаются» в форму художественного текста (при сохранении фактического содержания).

Одной из лингвостилистических особенностей первой части «Истории Освальда» является широкое использование рассказчиками особого пласта лексики – *советизмов*. Под советизмами мы в данном контексте понимаем вербальные обозначения советских реалий. Для Н. Мейлера, как для представителя школы Нового журнализма, всегда было важно глубокое погружение в

дух эпохи и тщательное фиксирование национального и социального статуса своих героев, а также их психологии. Обращение к «языковой личности» Ли Харви Освальда и его «советского окружения» является попыткой автора дать альтернативный ответ на официальную версию убийства Дж. Кеннеди.

В книге Н. Мейлера «История Освальда: Американская загадка» методом сплошной выборки было выявлено 293 случая использования советизмов. Наиболее частотными является использование советизмов *KGB* (95), *Soviet* и *Soviets* (36 случаев использования как отдельно, так и в составе словосочетаний), *MVD* (23 случая использования), *the Organs* (19 случаев использования). Превалирование данных советизмов позволяет сделать вывод о том, что окружение Освальда было «заинтересовано» не в передаче социальных или культурных реалий его пребывания в Москве и Минске, а, скорее, в поиске политических причин поступков Ли Харви Освальда, что коррелируется с одной из «неофициальных» версий убийства Дж. Кеннеди, в которой рассматривалось участие СССР.

В соответствии с тематическим принципом, положенным в основу классификации советизмов, предложенным И. Ф. Протченко и И. Земцовым [2],[3], нами было выявлено 8 основных тематических групп:

- советизмы, относящиеся к сфере внешней политики (*imperialist countries, proletarian internationalism, socialist countries*);
- советизмы, относящиеся к военной сфере (*Soviet Army, the Red Army, Hero of the Soviet Union*);
- советизмы, обозначающие сферу внутренней политики и деятельность коммунистической партии (*Party, Komsomol, directive, party errand, Communist party*);
- советизмы, обозначающие общественную сферу (*class struggle, dissident activity, socialist way of life, Communist society*);
- советизмы, отражающие философию режима (*Marxist-Leninist theory, socialism, communism*);
- советизмы, отражающие реалии, не имеющие аналогов в других странах (*kolkhoz, gulag, 101 Kilometres*);
- советизмы, используемые для обозначения организаций и учреждений (*KGB, MVD, OVIR, ZAGS*);
- советизмы, являющиеся наименованиями лиц (*komsorg, secretary, party member, cadre*).

По количественному составу наиболее многочисленными являются тематические группы «организации и учреждения» (150 единиц), «на-

именования лиц» (40 единиц) и «внутренняя политика и деятельность партии» (33 единицы). Это позволяет сделать вывод о том, что, по мнению повествователей и самого Ли Харви Освальда, советская действительность характеризуется высокой степенью бюрократизации, регламентированностью и основополагающей ролью, которую играет коммунистическая партия во всех сферах жизни советских граждан. Данный вывод подкрепляется и событийным уровнем повествования: в Советском Союзе Ли Харви Освальд неоднократно сталкивается с действием «государственной машины». Сначала он не может получить разрешение остаться в Советском Союзе и вынужден совершить ряд «показательных» поступков, в частности, публично отказаться от американского паспорта и совершить попытку самоубийства. В дальнейшем он сталкивается со сложностями оформления брака с Мариной Прусаковой. Приняв решение вернуться в США, Освальд вновь вынужден проходить через серию бюрократических процедур, причем Н. Мейлер акцентирует сложности, с которыми сталкивается герой, подробно фиксируя обширную переписку Освальда с советскими учреждениями и приводя многочисленные записи встреч и бесед государственных служащих с Мариной Прусаковой. Контекст, в котором упоминаются различные учреждения и организации, в основном носит негативную стилистическую окраску. Повествователи часто используют жаргонизмы и эвфемизмы, характеризуя свой опыт взаимодействия с различными учреждениями и структурами. Например, один из рассказчиков, описывая внимание к нему со стороны «Органов», вводит в свою речь жаргонизм «пасут»: *I said to Yuri: 'We're being grazed. ' There was a special word, pasut, which was used when you were clearly under surveillance* [1, с. 179]. Несколько рассказчиков характеризуют основную цель деятельности МВД как «указать верное направление» (*"point in the right direction"*), что в сочетании с упоминаниями таких реалий, как ГУЛАГ, 101-й километр и трудовой лагерь, позволяет подчеркнуть иносказательность выражения. Интересно, что некоторые советские реалии являются не только способом передать дух времени и особенности быта советских граждан, но и выявить национально-культурные различия между героями. Так, для Ли Харви Освальда «Советская конституция» является основополагающим документом, к которому он (по аналогии с Конституцией США) апеллирует в различных ситуациях. Для советской гражданки Марины Прусаковой такое отношение оказывается непонятным, так как она

никогда не изучала *"that stupid Soviet constitution"* [Там же, с. 191].

Кроме того, основываясь на принципе, предложенном В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, мы классифицировали советизмы, используемые в «Истории Освальда», по их семантическим, стилистическим и словообразовательным особенностям. Наиболее многочисленную группу составили лексико-словообразовательные советизмы, то есть «новые слова, созданные различными способами для обозначения советских реалий» [4, с. 11]. Было выявлено 166 единиц, к которым можно отнести такие советизмы, как *колхоз, комсорг, ГУЛАГ, КГБ* и др. К семантическим советизмам, то есть ранее нейтральным, неидеологизированным словам, получившим новые общественно-политические значения [Там же, с. 10], было отнесено 69 единиц, включая такие советизмы, как *товарищ, органы, интеллигенция, классовая борьба, классовая ненависть* и др. Наименее многочисленная группа советизмов – стилистические советизмы (58 единиц), или «стереотипные номинации, которые передают идеологические мифологемы» [Там же, с. 12]. К ним относятся такие советизмы, как *враг народа, культ Сталина, партийное задание* и т. д. Интересно минимальное использование повествователями стилистических советизмов, особенно с негативной окраской. По нашему мнению, это может свидетельствовать об отсутствии принятия основных идеологических установок советского строя у Ли Харви Освальда и у его ближайшего окружения. В частности, один из рассказчиков отдельно отмечает положительное, в целом, отношение к американцу, несмотря на идеологические установки, превалирующие в профессиональной и бытовой сфере:

...A few workers were hostile to Oswald, but just a few. There was one, Viktor, a zhlob, medium-sized guy, real strong. And Viktor always used to say, 'Those American imperialists – if I had a machine gun, I would shoot them.' A real zhlob [1, с. 88].

В контексте «Истории Освальда» важным также является аспект передачи советизмов при переводе. Советизмы принято относить к безэквивалентной лексике, при переводе которой используются лексические и лексико-грамматические трансформации, такие как переводческая транскрипция и транслитерация, калькирование и лексико-семантические замены, а также экспликация и переводческий комментарий. Особая природа «Истории Освальда», связанная с тем, что книга представляет собой совокупность устных и письменных высказываний различных повествователей, приводит не только к «множест-

венности точек зрения» как основополагающей характеристике текста, но и разноплановости его стилистического и языкового оформления. Как было отмечено ранее, повествователями являются люди, в разной степени владеющие русским и английским языком, имеющие разный социальный статус (*«партийная элита», рядовые члены партии и комсомола, студенты, рабочие*) и степень вовлеченности в «советский образ жизни» (*интеллигенция, диссиденты, советская девушка*). Основными способами передачи советизмов в «Истории Освальда» являются переводческая транскрипция и транслитерация, калька и полукалька (смешанный перевод), генерализация, конкретизация, лексическое добавление, экспликация (описательный перевод). Транскрипция и транслитерация использовались в основном при передаче аббревиатур и реалий, отсутствующих в английском языке: *KGB, MVD, OVIR, czarist, domrabotnitsa, militia, pasut, potok*. Калька использовалась в случае употребления интернациональных советизмов или явлений, ставших широко известными с фиксацией их обозначений в словарях английского языка: *Presidium, object, the Iron Curtain, enemy of the people, anti-Soviet propaganda, the Red Army*. Полукальки, или смешанный перевод, в основном встречались при передаче номинаций людей и реалий: *the Bolshevik Revolution, Khrushchev era, dezhurnayas, militia-man*. Генерализация встречалась в основном при упоминании властных структур или учреждений. Частым примером являлось использование слова *Komsomol* вместо более подходящего по контексту *komsomolets, Komsomol member* или *Komsomol worker*: *After Komsomol tried to talk her out of it, they spoke of whether Lee might be an American spy* [Там же, с. 220]. В данном случае *Комсомол* выступает как единое целое, наделенное характеристикой одушевленности, по контрасту с Мариной Прусаковой, которая объявлена «врагом народа» и остается в одиночестве. По нашему мнению, подобный способ передачи советизмов позволяет рассказчикам транслировать проблему деперсонализации личности при советском режиме. Также генерализация часто применялась при передаче таких советизмов, как *советское правительство, советские власти, советские войска, советские люди*. Вместо эквивалентов *Soviet government, Soviet authorities, Soviet troops, Soviet people* повествователи используют слово *Soviets* во всех представленных случаях, более конкретизированные понятия были заменены обобщенным словом, несущим основную смысловую нагрузку. Конкретизация встречалась в основном при передаче философских концепций, в частности, марксизм-ленинизм передавал-

ся зачастую как “*Marxist-Leninist theory*”, что, по-видимому, было связано с желанием повествователей «адаптировать» свои высказывания для американца Н. Мейлера. Лексическое добавление также чаще всего было связано с добавлением слова *Soviet* к различным словосочетаниям и осуществлялось, по-видимому, самим Н. Мейлером на этапе редактирования книги. Это добавление в тексте маркировалось графически, квадратными скобками. Экспликация, или описательный перевод, в основном встречались при передаче реалий. Одним из примеров экспликации является передача слова *колхоз* описанием *collective farm*. Также был выявлен один случай использования сочетания транслитерации и переводческого комментария: *He only calmed down on the day of our marriage; before that he went every day to ZAGS [the marriage bureau] to find out if we were to get permission* [Там же, с. 178]. В данном случае слово *ЗАГС* транслитерируется и сопровождается комментарием “*the marriage bureau*”.

С помощью количественного и контент-анализа использования и трансформации советизмов в речи повествователей была выявлена определенная закономерность. Транскрипция и транслитерация чаще всего встречаются в речи рассказчиков, не владеющих или слабо владеющих английским языком, либо являющихся носителями советской идеологии. Калька встречается в речи персонажей, хорошо владеющих английским языком и, по-видимому, адаптировавших русские реалии в процессе интервью, которые он давали Н. Мейлеру. Полукалька при передаче советизмов, в основном, встречается в речи Марины Прусаковой-Освальд, которая воспитывалась в Советском Союзе, но переехала в Америку и на момент интервью уже являлась носителем «двойственной» культурной и языковой идентичности.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что использование советизмов и тщательная регистрация авторских особенностей их употребления является для Н. Мейлера особой вариацией «статусных деталей». Известно, что автор является одним из наиболее ярких представителей школы Нового журнализма, чье творчество можно охарактеризовать как один из этапов формирования американского художественно-документального дискурса. Представители данного направления не только занимались художественными экспериментами, но и делали попытки представить теоретическое обоснование для объединения ряда писателей и журналистов США в рамках «литературы факта». В частности, в качестве одного из жанрообразующих призна-

ков Нового журнализма были выдвинуты «статусные детали», то есть детали, позволяющие емко охарактеризовать персонажа без использования иных, характерных для художественной литературы, приемов. Представляется, что употребление советизмов и различная степень их адаптации в процессе интервью является для Н. Мейлера одной из вариаций подобных «статусных деталей».

Таким образом, отличительными чертами художественно-документального дискурса является его двойственная природа, выражающаяся в фактографическом характере предоставляемой информации, с одной стороны, и субъективности и эмоциональной окрашенности речевого высказывания – с другой. Советизмы в «Истории Освальда» выполняют функцию передачи национально-культурного колорита и социальных и бытовых реалий. Так, употребление советизмов позволяет рассказчикам охарактеризовать действительность, в которой несколько лет находился подозреваемый в убийстве Кеннеди Освальд. Высокая частотность использования советизмов, являющихся наименованиями организаций и учреждений, а также использование генерализации при их передаче позволяют подчеркнуть степень бюрократизации жизни и проблему деперсонализации личности в советском обществе. Кроме того, особая жанровая и стилистическая природа «Истории Освальда» определила выбор приемов, которые использует автор. Фактографический характер книги не предполагал использования вымысла и художественных средств для того, чтобы вызвать эмоциональный отклик у читателей. Советизмы, широко представленные в свидетельствах и документах, и способы их трансформации при передаче на английском языке выступили в качестве «статусных» деталей, позволяющих понять психологию повествователей и сделать выводы о степени их объективности.

Список источников

1. *Mailer N. Oswald's Tale: An American Mystery*. NY: Random House, 2007. 828 p.
2. *Протченко И.Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. М.: Наука, 1985. 352 с.
3. *Земцов И.* Советский политический язык. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 431 с.
4. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб: Олио-пресс, 1998. 704 с.

References

1. Mailer, N. (2007). *Oswald's Tale: An American Mystery*. 828 p. NY, Random House. (In English)
2. Protchenko, I. F. (1985). *Leksika i slovoobrazovanie russkogo yazyka sovetskoi epokhi. Sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and Word Formation in the Russian Language of the Soviet Epoch. The Sociolinguistic Approach]. 352 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
3. Zemtsov, I. (1985). *Sovetskii politicheskii yazyk* [Soviet Political Language]. 431 p. London, Overseas Publications Interchange Ltd. (In Russian)
4. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyi slovar yazyka Sovdepii* [The Glossary of the Sovdep Language]. 704 p. St. Petersburg, Olio-press. (In Russian)

The article was submitted on 22.10.2024

Поступила в редакцию 22.10.2024

Коновалова Жанна Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zhanna.konovalova@gmail.com

Konovalova Zhanna Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zhanna.konovalova@gmail.com